
Мона Мур
НЕВЕСТА
по прайсу

Мона Мур

Невеста по прайсу

«Литнет»
2026

Мур М.

Невеста по прайсу / М. Мур — «Литнет», 2026

«У твоей сестры девяносто дней, а препарат есть только у меня. Цена вопроса - год твоей жизни по моим правилам».Дамиан Кросс - бывший военный хирург и безжалостный фармацевтический магнат, привыкший подчинять себе все: от миллиардных корпораций до человеческих судеб.Чтобы спасти умирающую сестру, я подписала с ним кабальный контракт, не глядя на мелкий шрифт. И теперь я должна стать его послушной фиктивной невестой для прессы и инвесторов, но играть роль бессловесной куклы в его стеклянном замке я не собираюсь.Между нами вспыхивает война без правил, где каждая попытка отстоять свободу лишь сильнее затягивает поводок. Но за фасадом циничного тирана скрывается страшная тайна: диагноз моей сестры - последствие его собственной роковой ошибки десятилетней давности.Когда корпоративные враги объявляют на нас охоту, фиктивный брак превращается в смертельную ловушку на линии огня. В мире, где за формулу спасения платят кровью, опаснее всего оказалось другое - понять человека, которого я поклялась ненавидеть, и что еще хуже - влюбиться в него.

© Мур М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Диагноз (POV Алиса) 5
Глава 2. Холодный расчет (POV Дамиан) 8
Глава 3. Мелкий шрифт (POV A 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Глава 1. Диагноз (POV Алиса)

Глухой удар затылка о линолеум - звук, который невозможно стереть из памяти, сколько бы формул ты ни держала в голове.

Секунду назад Вера тянулась к верхней полке за банкой ромашкового чая, а в следующее мгновение уже лежала на полу между столом и старым холодильником. Неловко подвернутая рука, неестественная, ватная тишина и светлые волосы, медленно пропитывающиеся кровью из рассеченного затылка.

Мой мозг сработал раньше сердца. Он просто захлопнул эмоциональный клапан и включил привычную защиту - холодный, почти остервенелый расчет. Я заставила себя не кричать, убедила пальцы не дрожать, когда набирала номер скорой помощи. Все двадцать три минуты ожидания я не молилась, а поминутно раскладывала в памяти биохимический каскад: падение глюкозы, лавинообразная гипоксия, клеточный коллапс. Когда запрещаешь себе чувствовать, остается только анализировать. Так гораздо проще не сойти с ума.

В приемном покое пахло хлоркой, мокрой шерстью и застарелым больничным кофе. Я сидела на жестком пластиковом стуле напротив дверей реанимации и методично обдирала кожу вокруг ногтя на большом пальце - дурацкая детская привычка, о которой я забыла еще на первом курсе фармфака.

Дежурный врач вышел только под утро, по его серому, осунувшемуся лицу и глубоким теням под глазами стало ясно все еще до того, как он открыл рот.

- Вы родственница? Алиса? - Он устало потер переносицу. - Криз мы купировали, но это лишь следствие. Причина глубже: редкая форма ферментопатии с вторичным метаболическим блоком. Почечный клиренс стремительно падает.

Я знала этот диагноз лучше него. Я шесть лет занималась разработкой сложных органических соединений, включая университетские проекты, и понимала масштаб катастрофы без медицинских эвфемизмов.

- Сколько у нее времени? - спросила я, глядя ему прямо в переносицу.

- Без таргетной терапии - месяца три, а дальше начнется необратимый некроз почечной ткани. В стандартном государственном реестре подходящих блокаторов нет. Единственная структура, которая ведет закрытые испытания нужной молекулы, - «Кросс-Медикал».

Имя Дамиана Кросса в академических и фармацевтических кругах произносили либо шепотом, либо с глухой завистью. Бывший военный хирург, построивший закрытую биомедицинскую империю, он скупал патенты, переманивал лучших ученых и плевал на бюрократические согласования Минздрава. Его клиники брались за безнадежные случаи, но попасть в их протоколы с улицы было абсолютно невозможно.

- Поддерживающая терапия бессмысленна, - отчеканила я. - Это лишь отсрочка агонии.

Врач промолчал, но в его взгляде мелькнула жалость - самая бесполезная, унизительная вещь, которую можно предложить человеку, чей мир только что разбился в стеклянную пыль.

В четыре утра я вышла на крыльцо больницы, ледяной осенний воздух обжег легкие, пальцы окоченели, но я заставила себя расправить плечи. У Веры оставалось девяносто дней и у меня не было времени на слезы, приличия и соблюдение субординации.

В районе девяти утра я уже стояла в залитом холодным светом вестибюле центральной башни «Кросс-Медикал». Стекло, полированный базальт, идеальная тишина и вооруженная охрана у турникетов. За стойкой ресепшен сидела администратор с вышколенной ледяной улыбкой.

- Мне нужен Дамиан Кросс, - ровно сказала я, положив ладони на мрамор.

- Мистер Кросс принимает только по предварительной записи членов попечительского совета. Вы есть в графике?

- Нет, но передайте ему, что пришла Алиса Вересова и добавьте: я знаю точную причину токсичности третьей фазы его ключевого препарата.

Это был чистый отчаянный блеф, наглая карточная игра на чужом поле. Но в закрытых клинических испытаниях побочные эффекты - всегда самая уязвимая точка, источник колоссальных финансовых рисков.

Администратор на секунду замялась, оценивая мою наглость, затем сняла трубку внутренней связи. Несколько коротких фраз, напряженная пауза и ее взгляд изменился.

- Тридцатый этаж. Экспресс-лифт справа.

Кабинет Кросса напоминал высокотехнологичную операционную: стерильный минимализм, темное дерево, панорамное остекление во всю стену и серый, туманный город внизу.

Сам хозяин кабинета стоял у стола, просматривая документы на планшете.

Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем темно-сером костюме. Ни одного лишнего движения, у него было лицо человека, который привык отдавать приказы и не привык повторять их дважды. Серые глаза посмотрели на меня с такой проницательной, тяжелой холодностью, что инстинкт самосохранения потребовал сделать шаг назад к дверям. Но я осталась стоять на месте.

- Гражданка Вересова? - Его голос звучал глухо, уверенно и спокойно. - У вас есть ровно три минуты.

Он не поздоровался и не предложил мне сесть. Я сделала два шага вперед, удерживая ровное дыхание.

- Моя сестра умирает, - сказала я без предисловий. - Дефицит фермента, системный сбой и через три месяца у нее откажут почки. Ваша исследовательская группа ведет протокол по синтезу селективного блокатора нужного типа, я знаю, что вы проводите испытания, поэтому препарат нужен мне на этой неделе.

Кросс даже бровью не повел.

- Протокол закрытый. Препарат не продается и не распределяется вне утвержденных клинических групп.

- Я это знаю, поэтому я предлагаю не покупку. Я предлагаю обмен.

- На что?

- На меня.

В кабинете повисла плотная, давящая тишина. Кросс медленно опустил планшет на стол и впервые посмотрел мне прямо в глаза - долго, препарируя каждое слово.

- Вы предлагаете себя? - с легким налетом сухого сарказма произнес он. - В каком именно качестве, позвольте узнать?

- В качестве ведущего специалиста. У меня красный диплом фармфака, три зарегистрированных патента по каталитическому синтезу и знание органической химии лучше, чем у половины вашего штатного отдела. Я подпишу бессрочный трудовой контракт на любых ваших условиях, но без права на публикации и роялти.

Кросс обошел стол, сократив расстояние между нами до одного шага. Он был выше меня на голову, от него пахло сандалом, горьким табаком и невозможным ледяным спокойствием, которое невозможно сымитировать.

- Вы ворвались в мой офис, обманули охрану на входе, блефовали про токсичность формулы и теперь пытаетесь продать мне свою квалификацию на чистых эмоциях, - негромко произнес он. - Это не деловое предложение, гражданка Вересова. Пока что это больше похоже на истерику отчаявшегося человека, а сотрудники в состоянии аффекта на сложных реакторах мне не нужны.

Его слова ударили точнее любой пощечины. Он попал в самую суть: за маской надменной уверенности я прятала животный, первобытный ужас за сестру.

- Что вы предлагаете? - процедила я сквозь зубы, сжимая кулаки в карманах пальто до боли в суставах.

- Я предлагаю вам поехать домой, выспаться и смыть с себя этот дешевый пафос, - ответил Кросс. - Если завтра вы все еще будете уверены, что стоите того курса лечения, который я должен выдать вашей сестре, возвращайтесь. Но не с ультиматумами, а с расчетами. Покажите мне, где в нашей структуре слабое звено и как вы собираетесь убрать побочный эффект. Думайте, как ученый, а не как загнанный в угол ребенок.

Я смотрела в его непроницаемые серые глаза, чувствуя, как горло перехватывает от смеси ярости и унижения.

- Я вас ненавижу, - выдохнула я.

На его губах на долю секунды промелькнула едва заметная, жесткая тень усмешки.

- Отлично. Злость работает дольше, чем отчаяние. До завтра, гражданка Вересова.

Он развернулся к панорамному окну, давая понять, что аудиенция окончена.

Я вышла из кабинета с идеально прямой спиной, сдерживая дрожь в пальцах, пока за мной мягко не закрылись створки скоростного лифта. Только там, в зеркальной кабине, я прислонилась лбом к холодной стали и закрыла глаза.

Он раскусил меня за тридцать секунд, растоптал мою гордость, но не захлопнул дверь. Он дал мне шанс, пусть циничный и жестокий, но единственный реальный.

На улице хлестал мелкий осенний дождь, капли текли по лицу и шее, но я даже не подумала достать зонт. Я шла по мокрому тротуару, перебирая в голове структуры радикалов, изомеры и кинетические уравнения.

Он хотел увидеть расчеты? Он их получит.

Глава 2. Холодный расчет (POV Дамиан)

Я редко смотрю записи с камер уличного наблюдения, а этом нет практического смысла: служба безопасности обязана фильтровать рутину без моего участия. Но вчера вечером я почему-то не переключил монитор на рабочем столе.

Она шла под проливным без зонта, хотя на мониторе высокого разрешения я видел край пластиковой ручки, торчащий из ее сумки. Она даже не подумала его раскрыть, не ускорила шаг, не попыталась поймать такси. Просто шла по серому асфальту с упрямо вздернутым подбородком, словно уступить непогоде означало признать собственное поражение. Дошла до остановки и села на мокрую скамейку, закурила тонкую сигарету, пряча огонек в озябших ладонях.

Гордая, импульсивная и готовая взорваться при малейшем нажатии.

К семи утра на моем столе уже лежало ее полное досье. На войне и в крупном бизнесе побеждает тот, у кого больше проверенных фактов.

Алиса Вересова, двадцать три года. Родители погибли в автокатастрофе четыре года назад, на руках у нее девятнадцатилетняя сестра с прогрессирующей ферментопатией. Есть ипотечная квартира в спальном районе, долги за коммунальные услуги и стационары. Красный диплом фармфака, блестящие публикации по органическому синтезу и громкое увольнение из академического института с формулировкой «за систематическое нарушение субординации». В примечании бывшего научного руководителя стояло: «Категорически не способна к командной работе, импульсивна, открыто ставит под сомнение компетенцию руководства». Я закрыл папку. Мне был знаком этот диагноз: слишком много ума для своего возраста вкупе с абсолютным отсутствием инстинкта самосохранения.

Она появилась ровно в девять ноль-ноль, но не раньше, чтобы не выглядеть просительницей, и не позже, чтобы не показывать слабость.

- Пусть войдет, - сказал я секретарю.

Сегодня Вересова выглядела иначе. Вчерашний сумбур исчез: светлые волосы убраны в тугой, строгий узел, пальто сухое, взгляд собранный и цепкий. Единственное, что выдавало бессонную ночь, - темные круги под глазами. В руках она держала толстую пластиковую папку.

- У вас есть пять минут, Вересова, - произнес я, не поднимаясь из-за стола.

- Вчера вы уделили мне тридцать секунд, налицо положительная динамика, - парировала она и без приглашения села в кресло напротив.

Она открыла папку и выложила на полированное дерево стопку аккуратно исписанных листов.

- Я подняла ваши открытые международные патенты по третьей фазе, - заговорила она быстро, четко, без малейших признаков вчерашней дрожи в голосе. - Ваша группа пытается заблокировать синтез токсичного метаболита через ферментную группу А, но молекула дает перекрестную реакцию на почечные рецепторы. Из-за этого на шестой неделе терапии начинается канальцевый некроз.

Я опустил глаза на страницы. Структурные формулы, цепочки органических реакций, кинетические расчеты.

- Вы рассчитали это за ночь? По открытым публикациям?

- По вашей патентной заявке и двум статьям ваших ведущих биохимиков. Если убрать нестабильную боковую цепь и заменить ее циклическим радикалом с кремниевым мостиком, аффинность к почечным канальцам упадет на восемьдесят процентов и формула станет стабильной.

Я перевернул страницу, вчитываясь в цифры. Это не было слепой догадкой или интуитивной гипотезой, это был безупречный, математически выверенный расчет, до которого мой штатный исследовательский отдел не мог дойти четыре месяца.

- Кто выставил вас из института, Вересова?

Она чуть приподняла подбородок:

- Профессор Литвинов. Я сказала ему на ученом совете, что его модель катализа безнадежно устарела, а его последняя статья - компиляция чужих ошибок.

- И он вас уволил.

- Разумеется, но формулу это не спасло.

Я откинулся на спинку кожаного кресла, глядя на нее в упор. Редкий сплав блестящего интеллекта, смелости и полнейшего непонимания правил выживания в иерархических системах.

- Хорошо, - сказал я. - Вы получили мое внимание, а теперь поговорим об условиях.

Она напряглась всем телом, готовая держать удар.

- Ваша сестра получает полный курс экспериментального лечения в нашем закрытом стационаре. У нее будет отдельная палата, персональный реаниматолог, все расходы за счет компании. Вы получаете рабочий бокс в моем исследовательском секторе, доступ к реакторам и карт-бланш на доработку формулы.

- А взамен? - ее голос стал глуше.

- Взамен вы подписываете публичное соглашение - контракт на один год. Но это не совсем профессиональный контракт. Мне нужна официальная невеста для прессы, попечительских советов и закрытых приемов. Женщина с профильным статусом, с репутацией в научных кругах и острым умом. Надеюсь, с этим проблем не будет? А через двенадцать месяцев - расторжение договора, щедрые отступные и полная свобода.

Алиса замерла, в ее серых глазах вспыхнуло неподдельное бешенство.

- Это фикция, вы хотите купить меня, чтобы прикрыть свои корпоративные игры? - В ее серых глазах вспыхнула холодная ярость. - Зачем вам невеста, Кросс? Для человека, который презирает сентиментальность, это слишком дешевый и нелепый фарс.

Я откинулся на спинку кресла, не отводя от нее прямого взгляда:

- Через неделю наблюдательный совет решает судьбу государственной концессии на сорок миллиардов. В комиссии сидят консервативные функционеры старой закалки. Одинокий, жесткий хирург с армейским прошлым и репутацией корпоративного хищника вызывает у них подсознательную тревогу, а респектабельный глава холдинга рядом с молодой, талантливой ученой с безупречной научной репутацией - это идеальная картинка социальной стабильности.

- То есть я для вас просто витрина? - процедила она с неприкрытым презрением. - Отбеливатель репутации перед министерством?

- Если угодно, можете формулировать это так, - ровно ответил я. - Но не забывайте, Вересова, что получаете от этой сделки вы: жизнь сестры и ресурсы, о которых в институте вы не смели даже мечтать.

Алиса посмотрела на меня долгим, колючим взглядом. Ее пальцы сжались на ручке и она размашисто поставила подпись на последней странице контракта.

- У меня три условия, - сказала она, бросив ручку на стол. - Я не играю в послушную куклу вне протокольных мероприятий, я не терплю лжи в лаборатории и я никогда не скажу вам спасибо.

- Договорились.

Она поднялась, собирая свои черновики.

- Вечером за вами приедет машина, - добавил я. - Соберите необходимые вещи.

Она замерла у стола:

- Зачем?

- Пункт четыре, подпункт «б». На время действия контракта вы живете в моем доме. Служба безопасности и пресса не должны сомневаться в реальности нашего союза.

Алиса смерила меня тяжелым, нечитаемым взглядом, резко развернулась и пошла к выходу. У самых дверей она остановилась и бросила через плечо:

- Не обольщайтесь, Кросс. Я подписала эту бумагу только ради сестры, но в этой игре я не останусь пешкой. Рано или поздно я найду способ разорвать этот поводок.

Дверь закрылась без стука.

Я остался один в тишине кабинета. На столе лежали ее безупречные расчеты и подписанный договор. Впервые за долгие годы я почувствовал неподдельный интерес к происходящему. Эта девочка собиралась объявить мне войну на моей же территории. Что ж, будет любопытно посмотреть, насколько ее хватит.

Глава 3. Мелкий шрифт (POV A

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.